

Встретившись взглядом с Чжоу Цзыфэем, Шэнь Цзя поспешно опустил глаза. Густые длинные ресницы укрыли его взгляд, но плотно сжатые алые губы с потрохами выдавали сумятицу в душе.

Да.

Он и вправду желал Юй Сянхану несчастий. Хотел, чтобы тому жилось как можно хуже.

— Я... ведь поступаю дурно, да?

Шэнь Цзя разжал пальцы, судорожно сжимавшие куртку Чжоу Цзыфэя. Голос его звучал совсем тихо. Опустив голову, он спрятал лицо за длинными прядями волос — снаружи виднелся лишь аккуратный кончик носа. Он походил на провинившегося ребёнка.

Юй Сянхан предал его, но когда-то он же был единственным, кто протянул руку помощи в беспросветной тьме прошлого. И всё же теперь Шэнь Цзя порой, вспоминая о нём, от всего сердца желал, чтобы Юй Сянхана терзала совесть, чтобы тот получил как можно больше наказаний.

«Но разве это не слишком жестоко? Не слишком бессердечно?»

Шэнь Цзя изо всех сил старался относиться к миру с нежностью и добротой. И лишь в этой ситуации с удивлением обнаружил у себя прежде незнакомое, тёмное желание отомстить.

Чжоу Цзыфэй наклонился, переведя взгляд на аккуратный, чуть вздёрнутый кончик носа Шэнь Цзя — фарфорово-белый, с трогательным изгибом.

— Дурно?

Тёплые ладони бережно обняли лицо Шэнь Цзя, заставляя поднять голову. Сверху раздался глубокий, бархатный голос Чжоу Цзыфэя, от которого дыхание Шэнь Цзя невольно замерло:

— Вовсе нет. Ты самый послушный и замечательный ребёнок.

Чжоу Цзыфэй уткнулся лбом в его лоб и слегка потёрся прохладным кончиком носа о нос Шэнь Цзя — точь-в-точь как ласковый пёс, выражающий преданность и нежность. Его глаза искрились тёплым светом.

— Р-ребёнок?

Это обращение настолько ошеломило Шэнь Цзя, что он замер, напрочь забыв об их опасной

близости. Он лишь растерянно хлопал глазами, и его длинные ресницы задевали веки Чжоу Цзыфэя.

Прикосновение отозвалось в сердце Чжоу Цзыфэя сладким трепетом. Улыбнувшись, он с нежностью щипнул Шэнь Цзя за мягкую щёку; на ней остался лёгкий алый след, быстро сошедший на нет.

— Только дети мучаются вопросом, плохо ли желать наказания своим обидчикам. И только такие невероятно послушные и добрые дети, как Учитель Шэнь, могут считать свои обиды и гнев ошибкой.

Тёплое дыхание Чжоу Цзыфэя обжигало щёки, заставляя пылать, но Шэнь Цзя не мог заставить себя отвести взгляд.

— Я не ребёнок... Н-не называй меня так...

Учитель Шэнь проработал с малышами столько лет и привык сам звать так своих воспитанников, но чтобы парень, который младше его на целых десять лет, с мягкой улыбкой обращался к нему похожим образом... Шэнь Цзя до того смутился, что забыл, о чём вообще хотел поговорить.

— А как тогда? Раз не ребёнок... Может, «сокровище»? Или «малыш»?

Чжоу Цзыфэй крепче обнял закутанного в тёплую одежду Шэнь Цзя и качнулся из стороны в сторону, словно пингвин, баюкающий своего пингвинёнка.

— Тебе больше нравится «сокровище» или «малыш»?

Крепкие руки сжали талию Шэнь Цзя. На щеках старшего вспыхнул румянец, белоснежные зубы прикусили алые губы, и от этого шутливого, но сильного объятия из его груди вырвался тихий вздох.

— Перестань выдумывать всякие глупости...

Шэнь Цзя слегка пошевелился и с усилием упёрся локтями в грудь Чжоу Цзыфэя, выражая протест.

Чжоу Цзыфэй чуть ослабил хватку и с глухим смешком ответил:

— Ладно-ладно. Тогда буду звать Малышом. Я ведь знаю, что Учителю Шэнь нравится, когда я зову его так, верно?

Уши Шэнь Цзя вспыхнули огнём. Он несмело приподнял веки, взглянув на парня. Когда Чжоу Цзыфэй произносил это ласковое слово, его голос звучал мягко, а резкие, хищные черты лица наполнялись невероятной нежностью. Против этой уязвимой, чуткой красоты Шэнь Цзя был бессилён — ему оставалось лишь заливаться краской и с замиранием сердца смотреть на него.

— Ну же, Учитель Шэнь, отвечай.

Чжоу Цзыфэй склонился ещё ниже. В его глазах Шэнь Цзя казался спелым, сочным персиком: розоватые щёки излучали сладкий аромат, и казалось, коснись чуть сильнее — и брызнет сок.

«Вовсе нет.

Вовсе мне не нравится...»

Шэнь Цзя сжал кулаки и упёрся в ключицы Чжоу Цзыфэя, пытаясь отстраниться. Но этим движением он лишь открыл тонкую шею и аккуратный кадык, сделавшись ещё более уязвимым, отчего у парня только сильнее разгорелось желание с ним подразнить.

Смущённый, Шэнь Цзя уже собирался возразить, как вдруг в носу защекодало. Он не успел опомниться, как громко чихнул один раз, а за ним выдал целую трель.

— Скорее в дом!

— Это я виноват. Знал ведь, что на улице мороз, и заставил тебя стоять!

Чжоу Цзыфэй тут же отбросил шутки. Обняв Шэнь Цзя, он быстро повёл его в дом, усадил на диван, дал тёплые носки и поспешил на кухню за горячей водой.

— Я в порядке... Апчихи!

Шэнь Цзя успел перехватить Чжоу Цзыфэя за рукав, но снова чихнул. Потерев покрасневший нос, он поднял влажные, блестящие глаза — выглядел он так, словно только что долго и горько плакал.

Чжоу Цзыфэй замер на мгновение, а затем опустился обратно на диван.

— Учитель Шэнь... Развод — это решение двоих. Что бы ни произошло между вами в прошлом, главное одно: вы больше не могли быть вместе. А неспособность жить под одной крышей означает, что накоплены обиды, претензии и гнев. И эти чувства абсолютно естественны.

Помолчав, Чжоу Цзыфэй продолжил с удивительной мягкостью:

— Когда я слышал, что ты сам хочешь всё уладить, а потом признался, как тебе больно... Знаешь, я был счастлив.

Пальцы Шэнь Цзя вздрогнули. Он с неуверенностью повернулся, недоумевающе глядя на парня, но, встретив его пристальный взгляд, тут же смущённо опустил глаза.

В лучах утреннего солнца Чжоу Цзыфэй смотрел на золотистый пушок на щеке Шэнь Цзя, и глаза его щипало от подступивших слёз.

Он понял, что безумно, отчаянно любит этого человека.

Сглотнув подступивший к горлу ком и сдержав трепет сердца, Чжоу Цзыфэй мягко улыбнулся, не желая выдавать волнения:

— Потому что ты сильный. Человек, которого я люблю, оказался невероятно сильным. Ты смог лично встретиться с тем, из-за кого когда-то был готов отказаться от жизни. Смог после предательства снова открыть душу и доверить свои тайные мысли.

Судьба — упрямая вещь, но его возлюбленный нашёл в себе смелость поставить точку в отношениях, длившихся десять лет, и довериться человеку, которого знал всего лишь пять месяцев.

Один Бог ведает, с каким трудом Чжоу Цзыфэй сдержался, когда Юй Сянхан потребовал разговора наедине. Ему безумно хотелось сбить этого подлеца с ног и спустить с лестницы, не дав ни единого шанса даже приблизиться к Шэнь Цзя. Но, заметив, что Шэнь Цзя предпочитает разобраться сам, Чжоу Цзыфэй пересилил себя. Он не мог из-за собственного гнева лишить его права выбора.

И Шэнь Цзя оказался куда сильнее, чем виделось со стороны. Его сердце ни на миг не усомнилось — никакие слова и поступки Юй Сянхана не заставили его отступить.

— Ты замечательный. И твоя любовь прекрасна. Разве ты не имеешь права испытывать обиду? Встретить тебя и узнать твою любовь — высочайшее счастье. А тот, кто растоптал её, заслуживает вечного раскаяния и несчастной жизни.

Эти слова заставили Шэнь Цзя поднять голову. В тоне Чжоу Цзыфэя звучала столь неоспоримая нежность, что Шэнь Цзя невольно взглянул ему в глаза.

Диван прогнулся, когда Чжоу Цзыфэй подвинулся ближе. Он ласково коснулся тыльной стороной ладони щеки Шэнь Цзя — прохлада сменилась нежным, живым теплом — и продолжил:

— Я однажды прочёл фразу: «Сердце человека закаляется лишь в обидах, без боли и страданий

не бывает взросления». Но я не хочу, чтобы ты терпел хоть каплю боли. Я хочу, чтобы ты плакал, когда тебе больно, и злился, когда ты гневаешься. Я вовсе не хочу, чтобы твоё сердце становилось огромным и непробиваемым...

Чжоу Цзыфэй развернул ладонь и мягко прижал её к груди Шэнь Цзя с левой стороны, чувствуя трепетный стук сердца.

— Я хочу, чтобы твоё сердце оставалось совсем маленьким. Настолько, чтобы в нём хватило места только для меня одного. Чтобы там больше не было никого и ничего чужого. Мечтаю, чтобы тебе никогда не пришлось закаляться — чтобы ты мог навсегда остаться ребёнком, которому позволено капризничать и которого просто любят.

Шэнь Цзя никогда не мог угадать, что Чжоу Цзыфэй скажет дальше. Едва его щёки вспыхнули, а сердце заколотилось от этих слов, как Чжоу Цзыфэй вздохнул:

— Всё это лишь мечты. На деле я не могу так поступать и не должен этого желать.

Чжоу Цзыфэй пристально посмотрел Шэнь Цзя в глаза. Его ладонь соскользнула ниже и обняла тонкие пальцы, лежавшие на коленях.

— Ты — самостоятельный человек. И как бы я ни стремился уберечь тебя от всего на свете, я не могу гарантировать, что буду рядом каждую секунду. Жизнь непредсказуема. Я готов быть твоей опорой, делить с тобой радости и беды, выслушивать любые печали... Но я не могу лишить тебя права проживать собственную жизнь со всеми её сложностями. Спрятать тебя под крылом лишь ради собственного эгоизма и желания защитить — это было бы нечестно по отношению к тебе.

Чжоу Цзыфэй накрыл его ладонь второй рукой, отдавая своё тепло.

— Я хочу для тебя счастья и покоя, но когда я вижу, что ты способен сам стоять на ногах и справляться с трудностями... Мне больно за тебя, но ещё сильнее я горжусь тобой.

Жар на щеках Шэнь Цзя постепенно угас. В его глазах блеснуло недоумение.

Никто и никогда не говорил с ним о таком.

Ему не хотелось сравнивать Чжоу Цзыфэя с Юй Сянханом — они были совершенно разными людьми, — но в этот миг память сама подкинула давние слова Юй Сянхана:

— Тебе нужно лишь послушно стоять за моей спиной. Я всегда защищу тебя, чего тебе ещё бояться?

«А если тебя не станет? Что мне делать тогда?»

Порой эта острая мысль отравляла ему душу. И только сейчас Шэнь Цзя осознал ответ.

Если рядом нет того, на кого привык полагаться, придётся шагнуть навстречу своим страхам самому.

Но он не обязан оставаться в одиночестве.

Возможно, в один из тихих вечеров судьба сведёт его с рыжеволосым юношей.

Тот парень — известный гонщик, он гораздо младше и совсем на него не похож, но успел спасти его столько раз...

Он вытащил его из ледяной воды в ванной, увёз в парк развлечений, даруя побег от суеты, удержал от отчаянной, смертельной глупости...

Тот парень твердил ему, что он красив, мил и достоин любви.

Этот юноша подарил ему спасение и пообещал разделить с ним все жизненные невзгоды, но при этом искренне радовался, когда Шэнь Цзя проявлял стойкость.

Он не давал громких клятв о «вечности» и не обещал стать «слепой защитой», но подарил чувство умиротворения и уверенности, какого Шэнь Цзя не знал никогда прежде.

Дыхание Шэнь Цзя пресеклось. Он смежил веки, и из-под мокрых ресниц выкатилась прозрачная слеза.

Такая же чистая и светлая, как много лет назад, когда он сидел в тёмном полуподвале, смотрел на пыль, поднимающуюся из-под ног прохожих за крохотным окошком, и отчаянно молился о том, чтобы кто-то пришёл и стал ему верным спутником.

Прошло больше двадцати лет...

«Почему человек, которого я так ждал, появился только теперь?»

<http://bllate.org/book/19971/1985933>